

КОНТИНЕНТ

КОНТИНЕНТ KONTINENS KONTYNENT CONTINENT KONTINENT 73
КАНТЫНЕНТ KONTINENTAS KONTINENTS MANDER КОНТИНЕНТ

3 • 92

Давай уедем.
Давай, давай!
Куда угодно,
за самый край.
На самый краешек?
Он где? Он где?
Наставим рожки
своей судьбе...

Евгений Рейн

Тогда еще никого не печатали, и мы публиковались, читая друг другу вслух. Одно дело читать вслух стихи, другое - прозу. Я боялся вызывать скуку, вот отчего эти рассказы такие короткие...

Андрей Битов

*фото Лидии Гинзбург
Комарово, 1962*

Важно почувствовать, что в мире действуют Бог и человек. И если человек что-то не сделал по направлению к Богу, на один шаг к Нему не двинулся, не открылся, то Бог не может действо-

вать, не может Себя проявить, так как это было бы насильем. Дух есть сила, благодать имеет силу, но Бог никого не насилует...

*Отец
Георгий Кочетков*

Хочется крикнуть: а у нас иначе, у нас просто по-другому. У нас много веселых и умных людей. У нас душевные застолья... У нас очень красивые женщины. У нас очень хорошие актеры и замечательные писатели...

Сергей Юрский

Борьба с ханжеством — это, разумеется, борьба с тоталитаризмом. У нас теперь все — борьба с тоталитаризмом или за свободу. Маг на печатных страницах и порнография на экране и с эстрады — это все борьба за свободу... Разверзается бездна темноты и невежества. А все — под знаком свободы... *Валентин Непомнящий*

КОНТИНЕНТ

*Литературный, публицистический
и религиозный журнал*

Выходит четыре раза в год

МОСКВА — ПАРИЖ

3•92

73

Издательство «МОСКОВСКИЙ РАБОЧИЙ»

КОНТИНЕНТ — CONTINENT

Совместное издание

Редакции журнала «Континент»,

Ассоциации друзей журнала «Континент»

*(Париж, Президент Ассоциации и основатель-учредитель
журнала «Континент» ВЛАДИМИР МАКСИМОВ),*

Издательства «Московский рабочий»

СОДЕРЖАНИЕ

Борис Слуцкий <i>Остальное — повторы... Стихи</i>	7
Андрей Битов <i>На ранних циклах. Рассказы, коллажи</i>	10
Александр Лаврин <i>Четыре стихотворения</i>	73
Игорь Тарасевич <i>К месту назначения. Рассказ</i>	76
Евгений Рейн <i>Вермеер. Поэма</i>	104
<i>Литературный дебют</i>	
Андрей Колесников <i>Болезнь. Рассказ</i>	120
РОССИЯ	
Анатолий Арсеньев <i>Глобальный кризис современности и Россия (заметки философа)</i> .	132
Сергей Юрский <i>Почем в Париже картошка?</i>	162
ФАКТЫ, СВИДЕТЕЛЬСТВА, ДОКУМЕНТЫ	
<i>Стенограмма экстренного заседания правления МОССХ от 23 января 1935 года. Публикация, предисловие и комментарий Галины Загянской</i>	191
Письма и документы по делу В. И. Лашкина	218

РЕЛИГИЯ

Христос Яннарас
Вера Церкви. Главы из книги «Азбука веры». Перевод с новогреческого Галины Вдовиной. Предисловие Мишеля Ставру . 230

Церковь есть мир Божий. Беседа с отцом Георгием Кочетковым. Записал С. Юров 250

ГНОЗИС

Андрей Зубов
Этнопаранойя 262

ЛИТЕРАТУРА И ВРЕМЯ

Валентин Непомнящий
С веселым призраком свободы 270

ИСКУССТВО

Тамара Грум-Гржимайло
Штрихи к портрету Мстислава Ростроповича 294

РАЗНОЕ

От редакции 308

«Континент» в 1993 году 314

ПИСЬМА И ДОКУМЕНТЫ ПО ДЕЛУ В. И. ЛАШКИНА

Несколько писем и документов, которые мы предлагаем вниманию читателя, собственно говоря, не нуждаются в особенных комментариях. С Вадимом (Вадленом) Ивановичем Лашкиным лично мы не встречались, оригиналов документов не имеем, но все же решились опубликовать эту своеобразную летопись человека, однажды почувствовавшего, что он не может молчать, выбросившегося из оболочки рядового «совка» и несмотря ни на что сохранившего себя.

Уже немало написано о принудительном содержании людей в советских психушках. Однако имена многих из этих людей до сих пор остаются неизвестными. Вот один из них — математик, физик, преподаватель, помещавший и до заключения, и после него статьи в специальных академических изданиях, посвященных космическим проблемам.

В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»

Только что услышал сообщение радиостанции «Голос Америки» о задержании работниками КГБ писателя Александра Солженицына на московской квартире его жены и насильственном приводе его в Прокуратуру СССР на допрос. Это известие потрясло меня почти так же, как телеграмма о смерти отца в 1967 году, когда я проживал в городе Куйбышеве.

До сегодняшнего дня я все же надеялся, что наша правящая партийная верхушка не осмелится выдать распоряжение на арест Солженицына, дабы силой заставить его замолчать. Я надеялся, что руководство КПСС понимает и учтет коренные перемены в мышлении советских людей, произошедшие за последние неполные двадцать лет, после того как Н. С. Хрущев вынес на суд нашего общества трагические факты массовых политических убийств и репрессий. Я порываю со своими иллюзиями на этот счет и открыто заявляю: я убежденный противник внутриполитического курса на ущемление демократии, насаждаемого силой нашими партийными главарями в целях сохранения за собой власти и всех ее благ, во вред нашему обществу.

Я выдвигаю требование о немедленном освобождении писателя Солженицына и прекращении кампании клеветы и травли, направленной против этого мужественного человека. Я выдвигаю требование об опубликовании его книг, чтобы советские читатели сами прочли и оценили их. Эти книги нужны советскому народу так же, как немецкому народу и народам всего мира нужны книги о фашизме, истории его зарождения, его злодеяниях и причинах временного засилья в Германии. «Бескомпромиссная критика недостатков и

ошибок прошлого» — смехотворная реакция на кровавые преступления, совершенные в прошлом высшими партийными чинами и работниками КГБ. Необходимо судить всех, у кого руки в крови и рыло в пуху, не делая скидок этим людям на то, что они выполняли приказы вышестоящих чинов, как на Нюрнбергском процессе не делали скидок фашистским военным преступникам, когда они кивали на Гитлера.

Судить всех, сколько бы их ни было, по статьям УК РСФСР из главы «Преступления против правосудия».

Я выдвигаю также требование о предоставлении советскому народу фактических политических прав и свобод. Это необходимо для более быстрого экономического, научно-технического и социального прогресса нашей страны.

Арест Солженицына не остановит роста недовольства внутренней политикой, которую проводит в СССР партийная верхушка в интересах своих, глубоко чуждых, в конечном счете, нашему обществу целей. Подло и низко арестовывать человека, пробывшего в заключении ни за что ни про что восемь лет по вине негодяев. Подло и низко и не свойственно духу русского народа обливать его грязью только за то, что он говорит своим голосом, что он пишет не те книги, которые угодны Главлиту, что он трактует факты истории нашего государства так, как считает правильным.

С ним можно не соглашаться, но лишать его права голоса и репрессировать его за это не имеет права никто.

Арест Солженицына есть не что иное, как вызов всем честным людям нашего общества. Арестовав Солженицына, наша власть открыто заявляет, что она оправдывает террор и массовые репрессии прошлого, но ей все равно не удастся задушить открытое недовольство в народе, потому что его корни уходят в настоящее и прошлое нашей действительности.

Вам не удастся обмануть народ, а тем более завоевать его полную поддержку и доверие. Внутренняя политика верхушки КПСС по ущемлению демократии давно уже вызывает глухой ропот и недовольство в народе и насаждается фактически насильем. Эта политика не отвечает требованиям времени и направлена против народа.

Она диктуется не объективными закономерностями истории, а неспособностью нашей правящей партийной верхушки управлять динамичной, демократичной и политически свободной общественной системой. Такая система сметет её, и все наши политиканы и болтуны канут в лету. Вот почему они не могут отречься от насилия. В этом причина их упорного нежелания считаться с требованиями времени.

Ещё раз заявляю: прекратите травить и преследовать Солженицына!

Ещё раз выдвигаю требование о его немедленном освобождении!

Лашкин Вадим Иванович, 1939 г. рождения, инженер-механик, живу в Туркмении: г. Мары, ул. Пушкина, д. 9, 13 февраля 1974 г., 23 ч. 30 мин.

ОПРЕДЕЛЕНИЕ

24 сентября 1974 г.

г. Мары

Судебная коллегия по уголовным делам Марыйского областного суда в составе: председательствующего — О. ХОММАДОВА, народных заседателей — ВАСИЛЬЕВА и КОМАРНИК, при секретаре МИЩЕНКО, с участием прокурора КАДЫРОВА К. и защиты в лице КУЛЬДЖАЕВА, в закрытом судебном заседании рассмотрела возбужденное уголовное дело в отношении Лашкина Вадлена Ивановича по ст. 214-1 УК ТССР о применении принудительных мер медицинского характера.

Лашкин Вадлен Иванович, 1939 года рождения, уроженец г. Мары, по национальности русский, семейный, ранее не судим, образование высшее, нигде не работал, проживал на улице Пушкина, 9, г. Мары.

Проверив материалы дела в полном объеме, заслушав показания свидетелей, выступления прокурора и защиты, судебная коллегия

У С Т А Н О В И Л А:

Гражданин Лашкин, проживая в городах Куйбышеве, Мары, не занимаясь общественно-полезным трудом, систематически распространял в устной и письменной форме заведомо ложные измышления, порочащие Советский государственный и общественный строй.

На конференции Куйбышевского филиала центрального конструкторского бюро экспериментального машиностроения Лашкин распространял заведомо ложные измышления о роли социалистического соревнования, комсомола, профсоюзов; считал соцсоревнование вредным, вел разговор о ненужности профсоюзов; комсомол изменился и превратился в простую формальность.

Лашкин в мае 1973 года, находясь в воинской части 58154 г. Мары среди военнослужащих распространял заведомо ложные измышления, заявлял, что нет порядка, демократии в Советском Союзе; существует безобразия, а также нет демократии, никакой правды в газетах и радио.

Кроме того, в своих письмах, адресованных в редакцию журнала «Журналист», в феврале, марте, апреле 1974 года, Лашкин грубо и заведомо ложно искажая факты Советской действительности, утверждает, что «в данное время из рук Советов депутатов рабочих и крестьян власть полностью вырвана», «осуществлен захват власти в стране партийной верхушкой».

Аналогичные письма были написаны Лашкиным в газеты «Правда», «Известия», в Союз писателей Белорусской ССР, в институт «Гидропроект», и на завод «Динамо».

Произведенным обыском в квартире Лашкина обнаружены копии телеграмм, адресованных в Президиум Верховного Совета СССР, в посольство Канады, содержащие заведомо ложные, клеветнические измышления, порочащие Советский строй.

Свидетели Кулакова, Багдасарова, Хусаинов, Проскурина и Тихонов в судебном заседании подтвердили, что действительно Лашкин выражал недовольство в адрес Советского правительства и политики КПСС и направил письма и телеграммы в компетентные органы, содержащие клеветнические измышления.

При таких обстоятельствах судебная коллегия считает, что общественно-опасное деяние совершено Лашкиным.

Исходя из акта судебно-психиатрической экспертизы от 1 августа 1974 года, суд считает, что общественно-опасное деяние совершено Лашкиным в состоянии невменяемости, когда он не мог отдавать отчет своим действиям, и поэтому подлежит направлению в психиатрическую больницу, с освобождением от уголовной ответственности.

На основании изложенного и руководствуясь ст. ст. 332, 333 УПК ТССР, судебная коллегия по уголовным делам Марыйского областного суда

О П Р Е Д Е Л И Л А:

На основании ст. 11 УК ТССР Лашкина Вадлена Ивановича от уголовной ответственности освободить и, согласно ст. 56 УК ТССР, применить в отношении его принудительные меры медицинского характера, поместив его в психиатрическую больницу специального типа.

Отменить меру пресечения, избранную в отношении Лашкина, с момента доставления его в психиатрическую больницу.

Определение может быть обжаловано в Верховный Суд ТССР в 10-дневный срок.

Председательствующий: (подпись)

Народные заседатели: 1. (подпись)

2. (подпись)

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА»*

Здравствуйтесь, члены редколлегии газеты «Правда».

Я — инакомыслящий, то есть человек, который открыто поддерживает движение за гражданские права человека в Советском Союзе и считает, что наше общество крайне нуждается в демократизации всех сфер общественной жизни, и прежде всего — средств массовой информации. С 22 декабря 1974 года я нахожусь, где и положено быть инакомыслящему — в сумасшедшем доме, среди сумасшедших.

Мое имя Лашкин Вадим Иванович, в августе мне исполнится 40 лет. Арестован я 19 июля 1974 года в г. Мары Туркменской ССР, где проживал со своей семьей, по обвинению в «распространении заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный

* Публикуется в сокращении.

ный и общественный строй» (ст. 214-1 УК ТуркССР, не более трех лет лишения свободы).

Мои действия, послужившие причиной ареста, состояли в том, что в промежутке между серединой февраля и серединой июля 1974 года я направил в советские печатные органы (в частности, в вашу газету), а также в другие государственные органы и организации несколько писем и телеграмм, в которых открыто изложил свои политические взгляды. В этом, по существу, и заключалась моя вина.

Все началось с того, что вечером 13 февраля 1974 года я услышал по «Голосу Америки» об аресте писателя Александра Солженицына на московской квартире его жены и тут же написал в «Правду» протест против этой акции советского правительства. В протесте я написал о необходимости опубликования его книг в СССР, чтобы советские люди сами, без комментариев, переводчиков и посторонней помощи прочли и оценили их и высказал несколько очень резких суждений в адрес партийного руководства нашей страны.

Свой протест я отправил на второй день, 14 февраля 1974 года, когда узнал из наших информационных источников о высылке Солженицына. Это письмо в «Правду» я опустил в почтовый ящик после того, как поборол страх, сжимавший мое сердце. [...]

17 апреля 1974 г. меня вызвали по повестке в горвоенкомат на беседу (я был тогда офицером запаса ракетных войск). В кабинете военкома, кроме него, были еще два человека — невропатолог и психиатр Марыйской городской поликлиники.

Военком произнес краткую речь, смысл которой сводился к тому, что мне, как офицеру запаса, с целью перекомиссии, следует удалиться с врачами в другую комнату для производства надо мной психиатрической экспертизы. Я в ответ возмутился и вышел из кабинета, громко протестуя.

В этот же день работник горвоенкомата майор Козлов сказал мне, что за день до этого, 16 апреля 1974 г., к нему обращался некий сотрудник Марыйского КГБ и просил направить меня в военный госпиталь на военно-врачебную комиссию для перекомиссии. Но Козлов, ведавший делами офицеров запаса, ответил этому КГБисту, что я прошел комиссию летом 1973 г., и следующая будет не раньше, чем в 1978 году.

Спустя неделю после этого инцидента, 24 апреля 1974 года, ко мне домой пришел офицер из горотдела милиции и увел меня с собой в горотдел. Там мне прочли (но в руки не дали) заявление от работницы горвоенкомата, некой Алибековой, в котором она жаловалась, что 17 апреля 1974 г. я якобы учинил в горвоенкомате скандал, накричал на нее и оскорбил. Кроме того, мне прочли еще одно заявление от группы работников конторы «Энергосбыт», которых я дней 20 до этого не впустил к себе в квартиру, когда они пытались в нее вломиться силой. (Впрочем, они позвали милиционера и все же вошли в квартиру с его помощью. Никаких нарушений правил пользования электрическими приборами они не обнаружи-

ли). В этом заявлении работники «Энергосбыта» жаловались, что я якобы оскорблял их нецензурной бранью.

Из горотдела меня отвели в суд, и там судья вынес постановление о заключении меня под стражу на 15 суток за «мелкое хулиганство».

Поскольку для меня было ясно, что арест сфабрикован, то я на суде объявил, в знак протеста, голодовку, которую продержал все 15 суток, пока находился в КПЗ. Мою голодовку пытались сорвать с помощью шантажа (грозили продлить арест еще на 15 суток «за нарушение режима») и искусственного питания. Ни то, ни другое не удалось.

О голодовке я известил письменно городского прокурора и потребовал немедленно освободить меня из-под стражи. 2 мая 1974 г. ко мне в камеру пришел помощник прокурора города по надзору в местах пребывания заключенных Коммьев, который выслушал меня и сказал, что опротестует постановление судьи от 24 апреля 1974 г. Но ему, видимо, объяснили, что к чему и кто я такой, и он не стал делать того, что обещал.

По истечении 15 суток, 9 мая 1974 г., меня выпустили из КПЗ, а в конце июня я написал свое последнее, третье, письмо в журнал «Журналист».

17 июля 1974 г. у меня в квартире был произведен обыск. В ордере на обыск было указано уголовное обвинение, которое было против меня выдвинуто, — «Распространение заведомо ложных измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» (ст. 214-I УК ТССР).

Согласно уголовно-процессуальному кодексу, моя статья подследственна органам областной прокуратуры, но непосредственно обыск у меня вели четыре работника Марыйского КГБ, что является незаконным. Кроме КГБистов, присутствовали еще три следователя МВД и три следователя Марыйской областной прокуратуры, т. е. всего было 10 человек. В результате обыска у меня была изъята папка с копиями моих криминальных писем. Немедленно после обыска я пошел на городскую почту и дал три телеграммы.

Первую — в Президиум Верховного Совета СССР: «Меня преследуют за политические убеждения. Сегодня 10 человек произвели обыск в моей квартире. Считаю, что страной правит шайка политических демагогов и самозванцев. Требую выхода из гражданства СССР».

Вторую — председателю КГБ Андропову: «Ваши люди, преследуя инакомыслящих, занимаются охотой на ведьм. Сегодня 10 человек произвели обыск в моей квартире. Дайте укорот своим опричникам либо уйдите в отставку».

Третью — в посольство Канады: «Меня преследуют за политические убеждения. Прошу предоставить политическое убежище и гражданство Канады».

В определении Марыйского областного суда от 24 сентября 1974 года в соответствии с которым меня 22 декабря 1974 года бросили в специальную психиатрическую лечебницу, написано, что копии

этих телеграмм были якобы у меня изъяты во время обыска, в то время как я их дал после обыска и никаких копий не оставлял. Там же написано, что эти телеграммы содержат клеветнические измышления, порочащие советский государственный и общественный строй, однако тексты этих телеграмм не приводятся, т. е. в чем заключались эти измышления, из судебного документа не ясно. Версия, что копии моих телеграмм изъяты во время обыска, потребовалась для того, чтобы скрыть факт задержания моих телеграмм на почте. На самом деле в прокуратуру попали не копии моих телеграмм, а сами телеграммы, поскольку связисты передали тексты телеграмм не в эфир, а в прокуратуру. Снова нарушена свобода информации — главное мерило гражданских прав и свобод, хотя, как и в случае с телеграммами академику Сахарову, эти три телеграммы не содержали информации, относительно которой существуют законные ограничения по ее распространению. [...]

Дальше события развивались очень быстро. 19 июля 1974 года в 11 часов я был арестован на улице и доставлен в Марыйскую областную прокуратуру на допрос к следователю Джалмаханову.

Допрос длился до вечера, а вечером меня поместили в КПЗ.

23 июля 1974 года меня отвезли в марыйскую тюрьму, а на второй день, 24 июля, меня посетил следователь Джалмаханов и предъявил мне обвинительное постановление, в котором все мои суждения, имеющие отрицательный характер по отношению к некоторым явлениям советской действительности и партийному руководству СССР, названы голословно, т. е. без всяких доказательств (поскольку доказать было это невозможно), заведомо ложными, клеветническими, порочащими советский государственный и общественный строй.

Одновременно Джалмаханов сказал, что вскоре меня повезут в Ашхабад на судебно-психиатрическую экспертизу. И действительно, 26 июля 1974 года меня перевезли в Ашхабад и поместили в общую камеру ашхабадской тюрьмы.

Обычно лиц, которых привозят в ашхабадскую тюрьму для производства судебно-психиатрической экспертизы, помещают сразу в специальную камеру и ведут за ними предварительное психиатрическое наблюдение, с помощью медперсонала, в течение нескольких, иногда многих, месяцев. Исключение делается только для лиц, состоявших ранее на учете у психиатров или находившихся ранее в психбольницах, с ними долго не возятся. Поскольку к такой категории людей я не принадлежал, то за мной, по закону, были обязаны наблюдать не менее двух-трех месяцев, а уж потом устраивать экспертизу. Но за мной не вели наблюдения вообще, а на амбулаторную экспертизу дернули через 6 суток: еще одно беззаконие.

Спустя несколько дней после прибытия в ашхабадскую тюрьму (кажется, 28 июля 1974 г.) я передал администрации тюрьмы свое заявление на имя прокурора отдела республиканской прокуратуры по надзору в местах пребывания заключенных, в котором протестовал против готовящейся психиатрической экспертизы, т. к. исход ее был предreshен; потребовал, чтобы меня перевезли обратно в Мары,

допустили до следствия и предоставили для защиты от предъявленного обвинения «Комментарий к УК РСФСР» (он был мне нужен ради комментария к ст. 190-1 УК РСФСР, аналогичный ст. 214-1 УК ТССР), УПК ТССР, Конституцию СССР и Международный пакт о гражданских и политических правах человека.

Я был вполне готов к активной защите, но меня лишали права на нее, обеспечиваемого 158-й статьей Конституции СССР всем гражданам, без ограничений, поскольку сочли, что реализовывать это право в моем случае нецелесообразно, а вот заклеить меня фальшивым клеймом душевнобольного — очень даже целесообразно (в дальнейшем я объясню, почему это было целесообразно).

Психиатрическую экспертизу в ашхабадской тюрьме производили врачи республиканской психбольницы раз в неделю. Во второй половине 1974 года таким днем недели был четверг. Меня привезли в Ашхабад 26 июля 1974 г., а в ближайший же четверг, 1 августа мне устроили без всякого предварительного наблюдения так называемую амбулаторную психиатрическую экспертизу — «пятиминутку». Экспертизу проводили три врача республиканской психбольницы: Клюдт, Аннамухаммедова и Хайлыев.

Началась экспертиза с того, что Аннамухаммедова задала мне несколько формальных вопросов, касающихся моих анкетных данных. Я сначала отвечал на вопросы, но потом перебил ее и, в свою очередь, спросил, на каком основании мне производят экспертизу. Аннамухаммедова ответила, что она проводится по постановлению следователя Джаламаханова. Тогда я попросил ее показать мне это постановление, чтобы выяснить, какими мотивами руководствовался следователь, вынося его. (Согласно закону, следователь имеет право вынести постановление о направлении подследственного лица на судебно-психиатрическую экспертизу, но только в том случае, если в процессе следствия у него возникли фактические основания сомневаться, что подследственное лицо отдает отчет своим действиям и показаниям, т. е. является вменяемым. При этом в постановлении следователь обязан перечислить эти фактические основания. Я никаких оснований сомневаться в своей психике следователю Джаламаханову не давал, поэтому его постановление о направлении меня на психиатрическую экспертизу было абсолютно необоснованным).

Аннамухаммедова после некоторой заминки хотела дать мне в руки это постановление, но тут вдруг очень энергично вмешался Клюдт — он был главным на экспертизе — и запретил ей это делать. В руках Клюдт держал толстую папку с моим делом. Раскрыв эту папку и указав на нее пальцем, Клюдт задал мне вопрос: «Скажите, когда вы писали свои письма в компетентные органы, отдавали ли вы себе отчет в их содержании?» Я не стал отвечать на этот вопрос, встал со стула и сказал, что отказываюсь вообще отвечать, так как считаю экспертизу лицемерным фарсом и провокацией.

Тогда Клюдт махнул рукой стоявшей у дверей тюремной медстре и сказал: «Довольно. Уведите его». На этом экспертиза закончилась. Длилась она не более 10 минут.

На второй день, 2 августа 1974 г. меня из общей камеры перевели в камеру для душевнобольных преступников, так как психиатры вынесли (по указанию из КГБ и прокуратуры) заведомо ложное медицинское заключение о состоянии моей психики, признав меня невменяемым, как в моменты написания мной писем и телеграмм, так и в моменты ареста, допроса и психиатрической экспертизы.

Согласно заключению психиатров, моя невменяемость была обусловлена хроническим душевным расстройством — шизофренией, которым я якобы страдаю уже много лет. [...]

Находясь в ашхабадской тюрьме, я провел шесть голодовок протеста общей продолжительностью 45 суток и произвел 10 больших демонстративных кровопотерь*, последняя из которых, самая большая, явилась для меня роковой: она привела к резкому обострению хронического воспалительного процесса в области мочевого пузыря. Обострение полыхает непрерывно с 21 декабря 1974 г. и превратило мою жизнь в пытку.

Посредством голодовок, кровопотерь, а также многочисленных аргументированных заявлений я пытался оказать моральное давление на прокуратуру Туркмении и этим добиться психиатрической реабилитации, реализации права на защиту и открытого суда.

Чтобы ослабить мое сопротивление, ко мне дважды была применена пытка посредством специального психиатрического препарата — сульфазина повышенной концентрации (4-процентной, вместо положенной 0,5-процентной). Первый раз, 5 августа 1974 г., с помощью двух завышенных по дозе одновременных уколов сульфазина была сорвана, на 18-е сутки, моя первая голодовка (я объявил ее в день ареста, 19 июля 1974 г.). Я кричал от боли и не спал трое суток.

Второй раз, примерно через месяц, мне сделали сразу четыре укола сульфазина, когда я от голодовки и заявлений перешел к дополнительной вынужденной мере — вскрытию вен. На этот раз я не мог уснуть от боли и почти все время кричал четверо суток. Передвигаться я практически не мог гораздо дольше. Потом на обеих моих ногах сошли ногти больших пальцев. Как только мне сделали эти уколы и завели в камеру, я немедленно еще раз вскрыл вены и слил еще часть крови. Меня снова вывели из камеры, но на этот раз не в медпункт, а в комнату дежурного по тюрьме, который потребовал от меня письменного объяснения своим действиям. Такое объяснение я написал, где, в частности, предупредил, что каждый последующий укол сульфазина буду и в дальнейшем сопровождать вскрытием вен. После этого я еще 8 раз заливал кровью пол камеры.

* В. И. Лашкин вскрывал вены на руках. — *Прим. ред.*

На 12 день моей четвертой голодовки (9 декабря 1974 г.), после двухкратной кровопотери, тюремная администрация вызвала наконец прокурора по надзору в местах пребывания заключенных.

Я рассказал ему о своем деле и вручил ему заявление, оттиск моей статьи по механике космического полета, напечатанной в майско-июньском номере журнала АН СССР «Космические исследования» за 1974 год. Я сказал прокурору, что я не клеветник и не враг советской власти, а инакомыслящий. Я сказал ему, что мне поставили фальшивый диагноз и хотят из политических соображений упрятать в сумасшедший дом. То же самое я написал в заявлении, которое ему вручил.

Прокурор молча выслушал меня, взял мое заявление и оттиск статьи, а затем заверил меня, что не позднее, чем через три дня я получу на свое заявление письменный ответ из прокуратуры по существу. Но это оказалось ложью. Никакого ответа из прокуратуры я не получил ни разу. Когда я убедился, что прокурор меня обманул, я объявил последнюю, пятую по счету, голодовку и осуществил последние две кровопотери (16 и 19 декабря 1974 г.). Цели этих голодовок и кровопотерь оставались прежними: добиться психической реабилитации, реализации права на защиту и открытого суда, хотя в глубине души я понимал, что практически этих целей добиться невозможно, так как прокуратура Туркмении выполняет волю Москвы, и никакое моральное давление с моей стороны не заставит ее исполнять своих надзорных функций. [...]

В. И. Лашкин

Главному врачу Ашхабадской областной психбольницы от Лашкина В. И.

З а я в л е н и е

Прошу вызвать меня на беседу и ответить мне: на каком основании держат сейчас меня в психбольнице? Кроме того, прошу ответить мне: почему меня не госпитализируют?

Признаков душевного расстройства у меня нет — Вы сами заверили это своей подписью в акте экспертизы от 23 мая 1979 года, — принудление с меня снято, — будьте добры отпустить меня на свободу, а точнее — госпитализировать в урологическое отделение ашхабадской больницы. Моя переброска в Марыйский психоневрологический диспансер, которую Вы намечаете произвести, абсолютно необоснованна, незаконна, бессмысленна и аморальна: добровольно я туда не поеду, а заставлять ехать меня силой Вы не имеете права, так как в определении суда от 31 мая 1979 года о моей переброске в Мары ничего не сказано и не могло быть сказано.

Мне нужно немедленно лечь в урологическое отделение, мне дорог буквально каждый день, а Вы относитесь ко мне, как к вещи, бессловесной скотине и человеку третьего сорта! Но какое сейчас, после снятия с меня принудления, у Вас есть на это право? Почему

Вы совершенно не считаетесь с моим здоровьем? Или Вы ждете, когда я опять объявлю голодовку с целью добиться госпитализации? Неужели Вы и сейчас, когда я уже не принудчик, опять посмеете дать указание сорвать ее уколами?

Почему Вы не объяснили людям, давшим Вам негласное указание перебросить меня в Марыйский психоневрологический диспансер, что я болен и нуждаюсь в госпитализации в урологическое отделение, а не в переброске? Почему Вы слепо подчиняетесь этому незаконному указанию? Разве Вы марионетка, подобно психиатрам Клюдту, Аннамухамедовой и Халлыеву, вынесшим мне, по преступному указанию из КГБ, фальшивый диагноз, или пешка, лишенная права голоса? А если бы Вам дали указание уничтожить меня с помощью уколов, Вы бы тоже его выполнили? По крайней мере, медбрат Айдогдыев на такой вопрос с моей стороны в присутствии старшей медсестры Сивухиной 3 апреля 1979 года ответил, что по указанию врача сделает мне смертельный укол, не задумываясь.

Среди кого я нахожусь? Среди работников системы народного здравоохранения или среди тюремщиков и потерявших всякую совесть людей?

Я не преступник, не душевнобольной, но лишен свободы уже 5 лет, а в сумасшедшем доме нахожусь уже 4,5 года. Я тяжело болен уже 4,5 года по вине психиатров, а меня не госпитализируют, не лечат вообще. Ведь это же подло!

Мне надоело жить в таких отвратительных условиях, мне надоела оскорбительная и унижительная бесцеремонность, с какой обращаются со мной медбратья и санитары, не годящиеся мне даже в подметки по уму, образованию, интеллекту и человеческим качествам.

Я задыхаюсь в атмосфере сумасшедшего дома, я хочу немедленно лечь в больницу, а Вы, не имея на то абсолютно никаких законных оснований, насильно заставляете меня терпеть унижения и продлеваете мои физические страдания, вместо того чтобы способствовать их устранению! Почему Вы спокойно переступаете запреты, которые не имеете права переступать? Почему Вы позволяете по отношению ко мне все, что угодно?

Предупреждаю, что если меня в ближайшее время не отпустят и не госпитализируют в урологическое отделение, то я дам нелегально сигнал в Москву, и тогда все материалы по моему делу будут переправлены за рубеж и преданы там огласке.*

Мне надоело терпеть по отношению к себе разнузданный произвол и подлое насилие. Пора вынести мою историю на суд зарубежного общественного мнения, а всех, кто повинен в моем заточении в сумасшедшем доме, губят мое здоровье и жизнь, издевается надо мной,— за ушко да на солнышко, и пригвоздить их к позорному столбу.

Лашкин В. И.

* Сейчас Вадим Иванович признает, что это был блеф — никакой возможности передать материалы за границу он тогда не име. — *Прим. ред.*

25 июня 1979 г.

Прокуратура
СССР

Туркменистан ССР
ПРОКУРАТУРАСЫ
ПРОКУРАТУРА

Марыйской области

Туркменской ССР

745400, г. Мары, ул.

Ленина, 21

27.08.90 г № 8/100-90

г. Мары, ул. Димитрова, дом 13
кв. 17, гр-ну Лашкину В. И.

Прокуратурой Марыйской области проведена проверка по Вашему заявлению о неисполнении определения Марыйского городского суда о снятии Вас с психиатрического учета.

Проверкой установлено, что решением Марыйского горнарсуда от 30.04.89 г. заявление Лашкиной З. Б. о восстановлении Вашей дееспособности удовлетворено.

Согласно письменного сообщения главного врача Марыйского психиатрического диспансера от 22.08.90 г. № 353, согласно определению нарсуда Вас сняли с учета.

Пом. прокурора области

(подпись)

=====